

Маяк современного просвещения и образованности

Часть 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М39

М39 Маяк современного просвещения и образованности: Часть 4 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 272 с.

ISBN 978-5-517-93305-8

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю. А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93305-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДВЬ КАТСОВЫ ДУМЫ.

I.

СМОКОВНИЦА И ДУША.

Хотя смоковница и не красна цветами,
Но лгоды ея полезные цветовъ:
Не сулить ни кому она своихъ даровъ,
Но награждаетъ трудъ садовника плодами . . .

Душа моя! и ты уподобляйся ей:
Не разытайся въ обышаньяхъ;
Не выставай передъ толпой людей
Великими — свои благодѣльны!
П въ скромной участи твоей —
УщедриТЬ Божъ тебя дарами,
А Божій міръ тебя, богатую плодами
Полезныхъ дѣлъ твоихъ — осыпметъ похвалами.

2.

ВЫРВАННЫЙ ЗУБЪ.

Изнывая весь отъ боли
Я, какъ мученикъ, страдаль;
Средства вся церепыталъ . . .
Вдругъ рѣшился . . . силой воли —
Ободря разсудокъ свой,
Позвалъ лѣкаря съ щипцами.
Онъ мятъ вырваль зубъ пустой:
Боль прошла, и подъ ногами —
Вѣдный зубъ валился мой,
Безобразной, одинокой.
„О какой урокъ жестокой!
Я сказалъ въ душѣ моей:
Этотъ зубъ былъ членомъ тѣла,
Костю отъ моихъ костей,
А теперь — въ немъ живы замѣла:
Онъ предупредилъ меня;
Вскорѣ можетъ быть и я
Стану также смерти жертвой,
Если къ участи одной
Цѣлос — съ частицей мертвогъ
Отъ Творца обречено!
Мы живемъ, а за плечами
Смерть — следитъ нашъ каждый шагъ,
И — незримо — на ширахъ
Засѣдая между нами,
Какъ голодный, страшный гость,
Гложетъ нашу плоть и кость.

Съ Голландскаго П. КОРСАКОВЪ.

ГВАНАГАНИ.

Отрывок изъ поэмы „Колумбъ“¹

Гдѣ цвѣтующій Гванагани,
Красоты чудесной молни,
На далекомъ океанѣ
Подымается изъ волнъ;
Гдѣ ведеть свой кругъ экваторъ;
Гдѣ въ зеленыхъ камышахъ
Шевелится аллигаторъ;
Гдѣ на дѣственныхъ поляхъ
Разостлалися пататы;
Кашель съ Таро млечный соекъ;
Бѣдно желтый маніокъ
Разливаетъ ароматы;
Гдѣ играетъ вѣтерокъ
На листкахъ салысапарели,
Какъ на жалобной свирѣпи;
Гдѣ кружится надъ травой
Насѣкомыхъ легкій рой;
Гдѣ изъ пальмового сока
Льются листья черезъ край,
Гдѣ порхаетъ въ нихъ веселый
Разноцвѣтный попугай.
Гдѣ на птичкахъ съ изумрудомъ
Спорятъ лхонть и тошазъ;
Гдѣ надъ лиственными сосудомъ
Золотистый ананасъ
Изъ земного вывелъ лона
Многогранную корону;
Гдѣ весь годъ канва луговъ
Шита бисеромъ цветовъ;
Гдѣ подъ тяжестью плодовъ
Гнется къ низу вѣтви банана;
Гдѣ мелькаютъ въ тростникахъ
Змѣи, утії *, гуаны **, —
Тамъ въ капитановыхъ лѣсаахъ,
Тамъ въ древесныхъ шашашахъ,
Вдолъ затопленной Саванны,
Дикій варварскій народъ
Жизнь свободную ведеть.
Тамъ дикари съ головоломъ;
И съ коньемъ изъ тростника,
Гонятъ робкаго звѣрька,
Иль по горнымъ онъ обломамъ
Смыло лѣзть за гигазомъ
Красной цапли, — иль потою,
Дикимъ звѣремъ не пугаемъ,
За зеленымъ попутаемъ

* Зверки изъ рода грызуновъ.

** Родъ эней.

Въ лѣсь кокосовый бѣжитъ; —
А въ тѣни деревъ лежитъ
На гамакѣ, въ полдень жаркій,
Мѣдноцѣтная дикарка;
Иль она съ закатомъ дня,
У зажженаго огня,
Полныи гибельной отравы,
Выжимаетъ сокъ кассавы,
Или въ легкомъ членокѣ,
Смуглой ручкой налегая
На послушные пагаи *
Мчится рѣзва, нагая,
По излучистой рѣкѣ.

Какъ проста и какъ спокойна
Жизнь безречныхъ дикарей!
И мучительный и знайный
Не знакомъ имъ жарь страстей.
Въ нихъ добра не зрѣло сѣма,
И порока голосъ тихъ;
Какъ имъ жить: — то знаютъ Земе, **
Старый Бутій *** и кацикъ.
Ихъ законъ одинъ — свобода,
Ихъ желанія — покой,
Водить ихъ инстинктъ стѣпой,
Учить ихъ — сама природа,
Чудны эти племена.
И природа тамъ чудна;
Полно все очарованья,
И недавніяго созданья
Тамъ на всемъ печать видна.

ЗЕЛИНСКІЙ.



ЦАРИЦА ВОСТОКА.

Видали ль вы зари столицу,
Ее — волшебную страну,
Ее — Восточную царицу,
Магометанскую жену?
Видали ль вы ея живые
Уборы радугъ и огня,
И три холма ея цветные,
Три царственныхыхъ главы ея?
Бразда по голубой равнинѣ
Высокогрудымъ членокомъ,
Вы удивлялись ли картинѣ,
Гребя извилистымъ весломъ?

* Туземныя весла.

** Домашній богъ.

*** Жрецъ.

Иль за перлбаго тумана
Плыла ль на встрѣчу къ намъ она,
Какъ фея моря-океана
Красы пѣнительной полна?

Да! для пришельца полуночи
Бе отрадно встрѣтить тамъ,
Взглянуть въ ея живыя очи
И впить дыханья єнимамъ!
Остаткомъ древнаго Эдема,
Замкомъ двухъ вражескихъ міровъ,
Она легла, какъ діадема,
На пукъ Босфорскихъ береговъ.
Кицучій жемчугъ волнъ Эвксина
По ней узорами кипитъ,
И моря синяя равнина,
Предъ ней порфирою лежитъ.
Красотъ пѣнительнымъ сияньемъ
Богата дивная страна,
Но въ сладкой вѣтѣ созерцанья
Вы отгадали ль, кто она?

Она — лишенная царица
Вѣнца, престола и честей,
Она несчастная вдовица
Великихъ Греческихъ царей!
Была пора — она взывала
Знамена орлія свои,
И надъ глазой своей свивала
Креста спящіе лучи.
Теперь не то: въ судьбинѣ низкой
Ея померкла красота; —
Она рабыня, одалиска,
Она отступница Христа!
И хочетъ дни забыть златые,
Ей въ стыдъ минувшей славы гуль,
Теперь она не Византія,
А рабъ Султана — Истамбуль!

Я. ЩЕТКИНЪ.



ГЕНІЙ ИЗОВРЪТАТЕЛЬ.

Таковъ удѣль твой, геній неземной:
Ты опередилъ вѣкъ свой запоздалый,
Подобенъ ты волнѣ передовой,
Чья бездна водъ — на берегъ одичалый
Нагрянула — алмазною горой,
И всплесками поморье заливая,
Открыла путь толпамъ другихъ юбей;
Но въ свой чередъ — погрязла, исчезла —
Подъ новыми раскатами морей.

Ты изобрѣтъ — и новый Прометей,
Похитивъ лучъ твоихъ изобрѣтений,

Затеплиль огнь новѣйшихъ умозрѣній,
И мысли твоей обогащенъ,
Попразъ твой трупъ какъ сбитаго ку-
мира;
Отринути предъ лицемъ земныхъ племенъ,
Права твои на удивленье міра.

Здѣсь пожилъ ты недолго; не успѣлъ
Развитъ вполнѣ могучихъ всѣхъ созданій,
Хоть лучъ ихъ на лицѣ твоемъ горѣлъ;
Хотя въ тебѣ пыдалъ волканъ желаній,
Добра, любви и славы и познаній!

Тикоэъ удалятъ твой, гений неземной,
Въ странѣ суетъ, въ юдоли сей плачев-
ной!
Но и волна зашата волной
Не сгиба; нѣтъ: въ чредѣ своей вседнев-
ной, —

Она подымется и на хребтѣ морей
Заблещетъ вновь алмазными струями,
Какъ нѣкогда и ты, подернутый вѣкамъ
Сверкнешь потомству словою своей!

П. КОРСАКОВЪ.

МЛАДЕНЕЦЪ.

Часто гляжу я на милаго сына младенца:
Плачетъ онъ, плачу и я, и въ святомъ
умилены
Думаю: труденъ твой путь, не трать сво-
ихъ слезъ понапрасну
Жизни ты не видаль и ужъ плачешь —
о бѣдные люди!

Весель младенецъ, и я улыбаюсь; но
думаю снова:
Смѣйся мой ангелъ, смѣйся пока ты ре-
бенокъ;
Въ свѣтѣ улыбку, какъ жемчугъ съ тру-
домъ достають,
Слезы жъ тебѣ пригодятся, не плачь, ихъ
потребуютъ люди . . .

Грустенъ, задумчивъ младенецъ, и я
погружаюсь въ сознанье,
Думаю: онъ вспоминаетъ о родинѣ, гор-
нихъ селенъяхъ,
Жизни грядущей не зналъ; то-то бѣ за-
плакалъ младенецъ,

Еслибы картина грядущаго, въ дѣствѣ
предстала ему.

ДЖУНКОВСКІЙ.

НАПОЛЕОНЪ.

Луна горить на небѣ голубомъ,
И серебрить валы морскіе,
Они кипять, и стелются кругомъ
На скалы вѣковыя.

Средь этихъ скалъ, на островѣ пу-
стомъ,
У каменной гробницы,
Стонть увѣчный воинъ съ костылемъ,
Съ слезою на ресницахъ.

Онъ говоритъ: „прошли тѣ времена
„Когда калмыкъ, съ тобою,
„Я быть въ странахъ, гдѣ наши знамена
„Ты освящаешь собою.

„Прошли тѣ дни, какъ складывалъ
крестомъ
„Ты руки предъ собою;
„Иль на конѣ, въ раздуміи нѣмомъ,
„Скакалъ передъ толпою.

„Прошли тѣ дни, какъ ты вождей
примѣръ,
„Эдѣсь тратилъ жизнъ и силу,
„И я старикъ, увѣчный grenadierъ,
„Твой гробъ спустилъ въ могилу.

„И съ этихъ поръ, чуть мѣсяцъ въ
небоса,
„И я къ твоей гробницѣ . . .“
Тутъ онъ умолкъ, и теплая слеза;
Скатилася съ ресница.

ДЖУНКОВСКІЙ.

ЦВѢТОКЪ.

„Не лоти, прекрасная,
Отъ меня ты въ даль:
Безъ тебя въ душѣ моей
Черная печаль!“
Такъ небесной бабочкѣ
Полевой цвѣтокъ

Жалобу щептать свою,
Грустенъ, одинокъ.
„Ахъ! судьбой жестокою
Вкованъ въ землю я;
О! зачѣмъ, небесная,
Крылья у тебя?
Золотомъ и пурпуромъ
Сходенъ я съ тобой
И люблю, люблю тебя,
Другъ воздушный мой!“
Люди не знакомы намъ,
Мы безъ нихъ цвѣтемъ;
Два цвѣтка прекрасные,
Мы съ тобой вдвоемъ.
Но зефиръ зоветъ тебя
Въ небеса порхать,
Мы тебѣ ужъ можетъ быть
Боль не видать.
О! зачѣмъ высоко такъ
Небеса стоять! —
Не могу послать къ тебѣ
Сладкій ароматъ.
Возвратись! увидишь ты, —
Съ каждою зарей
Ткань моя душастая
Скроплена слезой.
Тщетное моленіе!
По коврамъ долинъ
Весело порхашь ты, —
Я грущу одинъ.
О, царица днѣй моихъ!
Ты сроднишь съ землѣй,
Или къ небу ты меня
Унеси съ собой!

ЩЕТКИНЪ.



НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ глубокую полночь, свой гробъ оставляя,
Встаетъ барабанщикъ и въ поле идетъ,
И громко тревогу и сборъ выбивая,
Онъ по полю ходить и взадъ и впередъ.

Но страшны и тихи тревоги раскаты,
И глухо частится ночной барабанъ;
И, падшіе въ съяхъ, герои-солдаты
Вздрогнули, проснувшись по мирнымъ гробамъ.

Костлявыми остовы безъ тѣла руками
И бѣсть и гремитъ въ барабанъ гробовой;

И вторится эхо лѣсами, горами,
И слышится эхо въ гробахъ подъ землей.
Встаютъ изъ снаговъ вѣковыхъ и глубокихъ,
На съверъ падшіе въ Русскій походъ;
Встаютъ и на югъ, у Альпъ высокихъ,
Гдѣ солнце ихъ кости и сушилъ и жжетъ.
И тѣ что пали въ Сирійскихъ пустыняхъ,
И тѣ что въ Египтѣ подъ игомъ лежать,
Встаютъ вдругъ повсюду, въ рѣкахъ, на вершинахъ,
И взавши оружье на поле спѣшать
И въ полночь могилу трубачъ оставилъ,
Встаетъ и коня онъ на поле ведеть; —
Вотъ онъ на коня, — и въ рогъ звонкой
играя,
Онъ по полу скакетъ и взадъ и впередъ.
Вотъ мчится туда же на коня воздушныхъ
Свѣдѣ рубаки протекшихъ временъ;
Кирасы звенятъ на скелетахъ бѣздушныхъ,
И вѣстя на копьяхъ рой славныхъ зна
менъ.
И вотъ изъ подъ касокъ, смылся, скрежещутъ
Безглазыя лица страшнющъ ночей;
Все мрачно, и даже луна не трепещетъ
На леяняхъ тусклыхъ ихъ ржавыхъ ме
чей.
И въ полночь глухую свой гробъ покидалъ,
Встаетъ Полководецъ и въ поле идетъ,
И войску на громкій „ура“ отвѣчая,
Онъ по полу ходить и взадъ и впередъ!
Сертукъ на немъ сѣрый, распахнутъ и
вѣтъ,
И маленькой шляпою черепъ покрыть,
Короткая шага при мысцѣ рдѣтъ;
Скрестивши руки, угрюмъ его видъ.
Вдругъ масацъ изъ тучъ золотыми лу
чами,
Полки мертвцовъ удалыхъ осіялъ; —
И Воинъ-Начальникъ безъ взоровъ очами,
Возставшій тѣни полковъ, озиралъ.
Полуночный смотръ, начался, — рядовые
Идутъ ординарцы и рапортъ даютъ,
А тамъ къ полководцу кони ретивые
Какъ птицы, гусаровъ, улановъ несутъ.

Вотъ къ ближнему Маршалу онъ обратился,
Поодаль отвелъ его, за руки взялъ,
И тихо къ нему головою склонилъся,
И на ухо тайное слово сказалъ:

То слово по войску пошло, раздалось,
И слышно то въ ближнихъ, то въ даль-
нихъ рядахъ,
„Парижъ“ тамъ паролемъ оно пронеслось,
„Солтак Елены“ здѣсь лозунгъ въ устахъ!

Г — ВЪ.



Г Р О З А.

Протекъ день шумного веселья,
Пропадшій день изъ бытія;
Отъ суетливаго бездѣлья,
Уставъ заснула крѣпко я.
Со страхомъ вдругъ открылись очи!
Ужасной день средь мрака ночи!
Сѣптигъ глаза, небесъ пожаръ!
Вѣжитъ змей на землю пламень
И грызуль роковой ударъ!
Въ щепы бревно, валится камень
И гибель жителямъ земли,
Съ собою бури принесли!
Текутъ стезею истребленья,
Несутъ и смерть и разрушенье!
Громовъ миѣ страшень бурный гласъ;
Въ немъ смерти грозное призванье
И въ сердцѣ ужасъ ожиданья.
Да удалитъ послѣдній часъ,
Въ слезахъ я Господа молила!
Страшна миѣ ранняя могила,
За нею страшень свѣтлый міръ.
Могила — близкая дорога,
Къ вратамъ цебесь, къ чертогамъ Бога;
Но какъ представать на Божій пиръ?
Тамъ обличать меня одежды:
Забыть священные надежды,
Жила я живицю земной,
И въ міръ мигъ ся летучій,
Считала вѣчностью самой.
Напрасно данъ глаголь могучій,
Онъ славить Господа отвыкъ.
Напрасно въ красоты творенія,
Высокой думой умъ проникъ.
Вотице сияніи пѣсночины,
Богъ душу избралъ до рожденья:
Презрѣвъ удѣль высокій свой,
Она въ бездействіи дрема а

И свѣта мѣлкой суетой,
Восторгъ небесный подавляя.
Безъ пользы жизнь моя текла,
И тьму я спѣту предпочла!
Но гласомъ Божіаго укора,
Вѣщаю громовъ ужасный гласъ;
Внимала въ немъ; быть можетъ скоро
Пробѣть земной послѣдній часъ.
Не въ мірѣ вѣчное жилище.
Отъ сна воспрянула душой!
Она вдругъ стала выше, чище,
Уэрѣла свой удѣль святой!
Свое исполнить назначенье.
Благослови же, Провидѣніе,
Идти миѣ свѣтлою стезей.
Благослови на подвигъ новой;
Да полюблю я всѣхъ людей,
Любовью пламенной Христовой,
А не порывами страстей.
Благослови, о Провидѣніе,
На путь священный пѣсночины;
да никогда мой пылкій стихъ
Не будетъ лъстецъ страстей земныхъ,
Людей пустымъ увеселеньемъ;
Святому вѣренъ назначено
Къ тебѣ приблизить души ихъ!

П. БАКУНИНА.



ПІСЬМО ВЪ ОДЕССУ.

Стань красавецъ ближе къ строю,
Сбрось съ себя злодѣйку — лѣнь,
Звяжни шпорою стальною,
Киверь наискосъ надѣнь.
Закруті усы колющими, *)
Острой сабль улыбнись:
И съ гусарскими рядами
Быстрымъ маршемъ пронесись.
Сядь на коня! (*) къ бранной сѣчи
Эскадроны поведи;
Вражій строй переруби.
Ну! геройски въ стремя ногу;
Саблю въ руку, храбрость въ грудь.
Ты полковникъ слава Богу
Тѣблъ (*) къ славѣ близокъ путь.
Иль забылъ ты бой кровавой,
Гдѣ такъ шумно шировалъ?
Гдѣ надъ падшою Варшавой,
Знамя бунта разорвалъ.
Иль не помнишь поле чести?
Поле битвы огневой,
Гдѣ съ отвагой полонъ мости,
Ты скакалъ какъ вихрь степной.

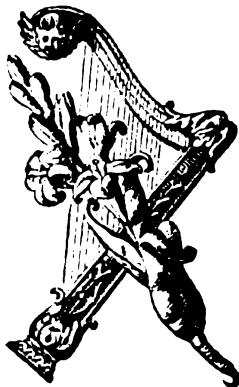
Знать забыть, что завръ военный,
На оливу промѣнилъ;
Что съ бивакъ подь кровъ смиренный,
Въ плѣнь красавицамъ попалъ
И теперь какъ врагъ Беллоны,
Ты не Марсомъ спароженъ;
И не въ царскіе знамена
Такъ страдальчески влюбленъ.
Нѣтъ, проникнутый страстью,
Встрѣтивъ въ сердцѣ пустоту,
Здешь ты на балъ съ друзьями,
Повздыхать на красоту.
И въ побѣдахъ торжествулъ,
Нѣжить добрыя мечты,
И подь звукомъ поцѣуя,
Рвать не лавры — а цветы.

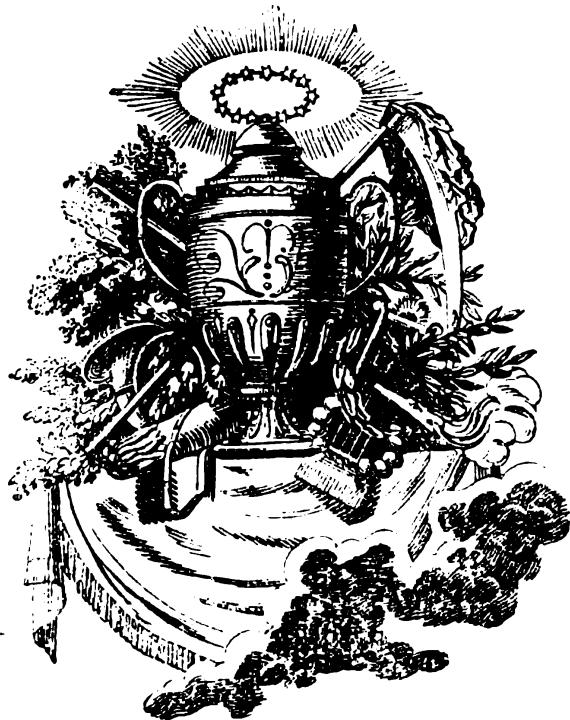
Такъ пируй же другъ столицы,
Пусть твой мечъ въ пыли лежитъ!
Исторической страницы,

Знать ему не заслужить.
Не твои въ бою трофеи,
Твой триумфъ не на поляхъ,
Такъ рви розы и лилии,
Въ заповѣданныхъ садахъ.

Е. ВІДІНІУСЪ.

(*) Слѣдовало бы по просодіи сказать ѿль-
циами а не колыцачи, кони, а не хдни, тебѣ
а не тѣбѣ какъ, выходить здѣсь по сканда-
лію. Тоже должны мы замѣтить въ стихотворе-
ніяхъ Гранагации, и Понной смотрѣ, гдѣ оши-
бочная ударенія напечатаны парочно курсивомъ. Не смѣя поправлять стиховъ безъ воли
автора, мы почитаемъ однакоже долгомъ своимъ
обличить эту вольность потому имѣю, что
стихотворенія хороши; и для того имѣппо,
чтобы примѣръ не увѣскъ подражателей —
менѣ даровитыхъ,





ПРОЗА.

—♦—♦—♦—

ОПРАВДАНИЕ ХОЛОСТЯКА.

«Женись! что не женишься? пора жениться! . . .» Такъ со всѣхъ сторонъ привѣтствуютъ менѣ знакомые и друзья. Этого мало. Часто въ кругу добрыхъ, пріятнѣнныхъ мнѣ семействъ, въ разливѣ слово-охотства, дѣлаютъ на менѣ столь сильныя нападенія, что я, истощивъ все краснорѣчіе, подвергаю мое одиночество сильному искушенію, и вся отчетность въ пользу его, и вся домашняя моя философія часто разлѣтается, какъ тонкая пыль. Не смотря на это, я все таки остаюсь, и крѣпко и прочно, убѣжденнымъ въ моей правотѣ, и все остаюсь — холостякомъ.

Но, отъ такого постоянного убѣжденія, укрѣпилась во мнѣ стра-

стнаѧ охота защищать себя торжественно: хочу во всеуслышаніе исповѣдать мою вину въ томъ, что я, именно, противъ собственной воли, въ 40 лѣтъ состою въ спискѣ юношей. Если я не правъ, то Пускай буду осужденъ основательно. Пускай буду разъ и навсегда — правъ или виноватъ! Но дѣло это очевидной важности: земля полна холостяками и четыредесятилѣтними юношами, и потому позвольте повести мой оправдательный процесъ по формѣ! — Во-первыхъ, я положительно отстраняю отъ участія въ моемъ «следственномъ» дѣлѣ всѣхъ холостяковъ — отъ 30 до 80 лѣтъ, потому что они могутъ вѣять

мою сторону пристрастно — по свойству въ юношествѣ. Удалю отъ дѣла моего всю молодежь включительно до 30 лѣтъ: по, неизвѣстиности своего брачнаго жребія, большая часть изъ нихъ могутъ имѣть пополненія, вопреки совѣсти и чистоты сердечной, въ мою пользу. Не смѣю приглашать на судъ всѣхъ мужей, сочетавшихся бракомъ въ молодости лѣтъ, потому что эти счастливцы не всегда могутъ представить ясныя поручительства за собственное свое благодеянствіе. Совершенно не находу нужнымъ приглашать на судъ вашъ мужей, по ретивости сердца вступившихъ въ законный бракъ въ пятомъ десятилѣтіи, потому что особы сіи, давнымъ давно, цѣлымъ свѣтомъ «оставлены въ сильномъ подозрѣнії» относительно супружеской ихъ нѣжности и законности правъ на оную. Наконецъ, менѣе всего смѣю при этомъ слушать утруждать прелестнѣйшихъ, юныхъ дѣвицъ какого бы онъ рода и вида ни были: ибо полный итогъ мильныхъ фантазій ихъ, стиснутый въ тѣсный кругъ романистики, будетъ совершенно убѣйственъ правому моему дѣлу, коего сущность очевидна. — Но да не вмѣнится мнѣ эта изворотливость въ поддьяческую продѣлку. Нѣтъ, достопочтеннѣйшие участники въ моемъ осужденіи! Я для собственного спокойствія ищу всей строгости изслѣдований; не хочу щадить себѧ: набираю моими судіями, дѣвицъ, равныхъ со мною лѣтъ; — дѣвицъ, кои втайникъ оплакиваютъ утрату цвѣтущей молодости; которыхъ поволѣ иль неволѣ, состоя въ спискѣ устарѣлыхъ дѣвъ, явно и тайно иллюнгутъ всѣхъ холостяковъ, деревенено пренебрегшихъ брачными узами, и тѣмъ нанесшихъ не

возвратное оскорблениe ихъ достоинствамъ и красотѣ. Я, какъ участная жертва этого оскорбления, съ повинною представляюсь на судъ, съ предложеніемъ правъ на пощаду, и вотъ иаложеніе моей исповѣди!

Я произошелъ отъ недостаточныхъ родителей. Мое воспитаніе сопряжено было съ величайшою трудностію и неправильностію. Я кончилъ курсъ учения тогда, какъ сверстники моихъ лѣтъ франтили уже эполетами, или пробирались въ вельможскія канцеляріи, поощряемые первыми успѣхами затѣйливыхъ своихъ фантазій. Непрерывная цѣпь бѣдствій, столь общихъ всѣмъ безпомощнымъ юношамъ, была и моимъ удѣломъ. Я поневолѣ долженъ былъ слѣдовать оптимизму, и находилъ свое «лучшее» въ рановременномъ опыте. Не знаю, многіе ли имѣютъ охоту вѣрить тому, что несчастія наши — лучшіе учители. Что до меня, я этому охотно вѣрилъ: мой собственный опытъ служилъ въ тѣзъ порукой. Я много терпѣлъ, много страдалъ, много переносилъ тяжкаго, и, чѣмъ болѣе умножались мои бѣдствія, тѣмъ правильнѣе созрѣвали чувствованія унылой моей души; чѣмъ горче было мнѣ, тѣмъ говорчиваѣ было сердце мое къ умѣренности: мнѣ не трудно было разглядѣть пустоту юношескихъ фантазій и ускромитъ быстрый ихъ полетъ въ непроницаемую даль. Предѣль моихъ замысловъ былъ слишкомъ осзателенъ. Окружавшія меня бѣды, подавляли излишество эгоизма, и я рано пріучилъ себя, мечтая о счастіи жизни, украшать эту мечту не слишкомъ роскошно, но за то болѣе украшать ее возможностіо скромною, милою, прелестною, которая свѣтилась въ будущемъ, какъ лучь небеснаго свѣта, проникшій въ

мрачную бездину въ глубокомъ ущельи горъ: я мечталъ о счастії жизни семейной, и эта увлекательная мечта вросла въ мою душу, я дышалъ только ею! Но кто отдаетъ себя въ жертву даже самыхъ невинныхъ фантазій, тому рѣдко удается не сдѣлаться игрушкой ихъ. Я ревностно преслѣдовалаъ мою мечту, и не умѣль къ ней достигнуть. Не принимая своей женитьбы за прости, какъ въ прежнее время думали объ ней, за механическое составление одного — изъ двухъ, и, не желая подражать въ этомъ какому-нибудь романическому герою, я менѣе всего позволялаъ себѣ съдовывать духу нашего времени: который, подъ тогою платонического блаженства прятеть самый ариетический расчетъ всѣхъ супружескихъ «приложений». Напротивъ, съдуя аргументамъ современной Германской философіи «послѣдняго изданія» — я ставилъ себѣ не субъектомъ, а самыемъ страдательнымъ объектомъ всѣхъ супружескихъ повинностей: и не доведя себя до состоянія абсолютнаго, т. е. независимаго объекта, не смѣль и думать о какихъ либо брачныхъ покушеніяхъ. Здѣсь въ короткихъ словахъ я высказалъ всю свою исповѣдь; но на мою бѣду, у насъ со свѣтга гонятъ *ильмецкую философію*, (*) и я рискую остаться не только неоправданнагмъ, но даже не выслушаннымъ, вотъ почему считаю за необходимое перевести все то на Русскій языкъ, хотя этотъ переводъ займетъ иѣсколько страницъ — выните свое незнаніе объективной философіи. И такъ, я поставилъ себѣ священнымъ долгомъ напередъ заслужить чинъ, пристроить себѣ въ выгодному мѣстечку, со-

ставить, какъ водится, капита-лецъ, и такимъ образомъ упрочить себѣ въ правахъ жениха, ко-торый по совѣсти, чуждался приданаго, ищетъ только милой же-ны. Мечталъ хорошо, а дѣло шло худо! Чѣмъ больше мчался я въ даль на крыльяхъ невинной мо-ей фантазіи, тѣмъ замѣтилъ дѣло о супружествѣ оставалось на одномъ мѣстѣ. Годы летѣли, и тру-дился день и ночь, какъ ревност-ный исполнитель присяги, какъ рыцарь чести и совѣсти; я плавалъ, по обширнымъ, и само собой разумѣется, по бурнымъ водамъ на са-момъ угломъ членокѣ. Пары момъ безпрестанно заливали; и снова ихъ разводили и снова ихъ заливали; каждый шагъ въ передъ я поку-палъ греблю — тяжкихъ трудовъ и убийственнаго потерио времени. Я съ горестію видѣлъ, что мнѣ не суждено возвыситься до членовно-сти, всегда граничащей съ выгод-ными мѣстечками, ведущими къ капитальцу честному, благонадеж-ному; неумолимый опытъ, опора всѣхъ эмпирическихъ, т. е. здра-выхъ философій, безъ пощады еже-дневно убѣждалъ меня, что знат-ность моя не можетъ блеснуть лишнимъ десяткомъ рублей, что обезпеченіе моей будущности не смѣетъ и подумать о запасной сотнягѣ; а отъ сотниги до супру-жескаго счастья еще много стан-ций. Утомленный, обезкураженный, измученный усилиемъ и много-труднымъ моимъ бодрствованіемъ, я далеко осталъ отъ всѣхъ моихъ товарищѣй по службѣ. Фортuna была очень немилостива ко мнѣ и постоянно доказывала, что она съ иѣкотораго времени сдѣлалась слишкомъ горда для скромныхъ и безъизвѣстныхъ ея почитателей. Я частенько повѣрялъ мое назначество и всегда находилъ,

(*) Не философію, а ея мину. — Ред.

ЧТО въ карманъ мой едва пробирались рубли, строго обсчитанные чистою совѣстью, и тщательно освидѣтельствованные упорною честностью, влитою въ душу мою благороднѣйшими моими родителями. Столица была для меня столь же далека, какъ прежде обѣтованная земля для мятежного Израильтянинъ; я вергълся по излучистымъ путямъ провинциального служенія и задыхался отъ испареній недоарѣвшихъ моихъ фантазій. Но удѣль смертнаго — желать и искать лучшаго до-нельзя. Собравши всю мою философію и подкрайнивши себя убѣженіями въ новомъ видѣ, я хранилъ милую мою мечту и лелѣялъ ее въ огорченной моей душѣ. Не всѣ же знатные люди могутъ похвалиться семейнымъ благоденствиемъ; не одни же особы высшаго разряда могутъ блаженствовать въ домашнемъ быту. Я также могу, и на тѣсномъ пути моей жизни, бытъ счастливымъ, могу въ качествѣ маленькой чиновности бытъ полезнымъ обществу и самому себѣ. Впрочемъ я все еще смѣю надѣяться; я могу еще трудиться и, слава Богу! не безъдарованій — авось либо чрезъ какой-нибудь неожиданный оборотъ судьбы, вдругъ поправлюсь и сближусь съ возможностію достигнуть желаемой цѣли.

Такимъ образомъ, распрошавшись съ широкою и большою дорогою чиновности, я рѣшился побавить своей спѣси, и ограничилъ свой исѣкъ милой подруги — желаніемъ миленькаго домика со свѣтлыми окнами и съ небольшимъ садикомъ; обеспечилъ себя трудовымъ кускомъ насущнаго, изъ всѣхъ прихотей допустилъ только одну: желаніе имѣть лошадку и дрожки, хоть на столбикахъ, для сбереженія здоровья нѣжной моей

подруги. Сердце забилось у меня отъ новой идеи — я со слезами обнялъ будущаго моего друга — ангела; привѣтливо нѣжилъ и осыпалъ ласками и угожденіями молодую свою супругу; игралъ въ мячъ съ кругленѣкими, хорошенѣкими дѣтками своими; сдружилъ семью свою съ нѣсколькими добрыми и искренними семействами и съ душевныѣмъ восторгомъ вышивалъ рюмку атаманскаго въ день ангела жены моей, утирая губы сладостнымъ ея поцѣлуемъ. Такъ думалъ я — такъ мечталъ въ минуту пламенныхъ желаній, услаждавшихъ одиноческое быtie мое! Скажите же, почтеннѣйшие судіи мои: дерзко ли я мечталъ, большаго ли я желалъ? скажите, есть ли тутъ, хоть тѣнь обдуманного намѣренія на то одиночество, въ коемъ теперь обрѣтаюсь, и за которое тѣрплю столько оскорбительныхъ упрековъ, и которое столь оскорбительно и противно правамъ вашимъ, даннымъ самою природою Но извольте же слушать чѣмъ все это кончилось!

Настроенный, обогащенный новыми планами и увлекаемый новою смѣтою на мое благо, я бодро принялъ дѣлать всему практическое приложеніе. Отсчитавъ еще нѣсколько горькихъ лѣтъ моей жизни, я нашелъ себя однимъ чиномъ выше, а рублемъ еще ниже. Я видѣлъ себя постояннымъ обладателемъ сѣрой шинели, которая и лѣтомъ и зимою прикрывала затѣйливыя мои мечты и свидѣтельствовала, какъ термометръ, на какомъ градусѣ стояла блескъ моей жизни, и на какую степень знатности поставила меня судьба. Новая тоска овладѣла мною. Потеря прошедшаго и безнадежность будущаго ожесточила мое сердце, и тяжкіе вздохи томили грудь